9(К)
3658

М. В. Войцеховичъ.

Древняя исторія русской Карелiи и Ингерманландiи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1910.

NLRK 00224743

938444

...л национальной
...ковеведческой
литературы

9(K)
B658
130

М. В. Войцеховичъ.

Древняя исторія русской Карелiи и Ингерманландiи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1910.

КАБИНЕТ
ОБРАЗОВАНИЯ

1954

2010

БИБЛИОТЕКА
Башкир. филиала
Акад. Наук СССР

О-338

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 150, 152, 153 и 154
„Правит. Вѣстн.“ за 1910 г.

Древняя исторія русской Карелiи и Ингерманландiи.

Цѣлый рядъ переживаемыхъ нынѣ петровскихъ юбилеевъ, связанныхъ съ исторіей пріобрѣтенія финскаго и балтійскаго побережій при Петрѣ Великомъ,—завоеваніе Выборга, Риги, Ревеля,—заставилъ русское общество съ особеннымъ вниманіемъ и живѣйшимъ интересомъ оглянуться на далекое прошлое этой окраины и познакомиться съ ея идущей въ глубь вѣковъ исторіей.

Къ истинному изумленію весьма многихъ, суровое финское прибрежье, куда, какъ можно было думать на первый взглядъ, толкнула русскаго человѣка только прихоть Великаго Царя, оказалось далеко не чуждымъ ему краемъ, явилось не вновь завоеванной страной, куда онъ впервые при Петрѣ вступилъ ногой побѣдителя, а древней, старорусской землей, „отчиной и дѣдиной“ его и исконнымъ его владѣніемъ. Русскій человѣкъ, какъ выясняется далѣе, былъ первымъ собственникомъ этихъ убогихъ сѣверныхъ земель, покрытыхъ безконечными болотами и лѣсами, онъ первый внесъ зачатки государственной жизни туда и крѣпко и прочно засѣлъ было у береговъ Невы и Финскаго залива.

Борьба съ угрюмой, бѣдной природой и могущественными врагами, явившимися въ лицѣ шведовъ, скоро заставила русскаго піонера и колонизатора—новгородца постепенно спускаться на югъ, бросать насиженныя мѣста и уступать ихъ новому собственнику. Прошедшіе вѣка и бури историческихъ событій смели остатки русскихъ поселеній въ краѣ, растворили населеніе среди туземцевъ и густой пеленой забвенія покрыли періодъ русскаго владычества. Новые завоеватели приложили всѣ усилія стереть всякіе слѣды русскаго имени и достигли въ этомъ отношеніи такого успѣха, что Петръ Великій, открывая войну съ Швеціей за финское побережье, вынужденъ былъ ссылаться лишь на былое историческое обладаніе краемъ, а не на наличность въ немъ русскаго населенія и на тяготѣніе его къ Россіи. Русскаго населенія почти уже не существовало, и древне-русскія Карелія и Ингрія прочно были заняты финнами, шведами и нѣмцами.

Въ нашемъ очеркѣ мы попытаемся вкратцѣ изложить исторію этихъ старыхъ русскихъ земель и возобновить въ памяти картину той многовѣковой борьбы, театромъ которой явились берега Невы и Финскаго залива, и которая начата была еще новгородцами,—первыми колонизаторами русскаго сѣвера, продолжена московскими князьями и побѣдоносно закончена Петромъ Великимъ *).

---

*) Въ прошломъ году Императорской Академіей Наукъ издано было сочиненіе ученаго пастора А. І. Гиппинга—„Нева и Ніеншанцъ", въ 2 томахъ и 3—приложенія. Этотъ въ высокой степени цѣнный и серьезный трудъ ученаго историка, уже успѣвшаго раньше заявить себя

I.

Время Новгорода Великаго.

Начало исторической извѣстности Невы и приневскаго края скрывается въ глубокой древности. Наша первоначальная лѣтопись застаетъ уже край не только заселеннымъ, но и представляющимъ собою широкій транзитный путь „изъ варягъ въ греки“, которымъ пользовались и скандинавскіе моряки, и славянскіе купцы. Есть основаніе даже предполагать, что въ незапамятное время область Невы служила, подобно кавказскимъ воротамъ, той дорогой, которой скандинавскія племена, вступившія изъ Азіи въ Европу, передвигались на сѣверъ и, перейдя Неву, осѣдали по полуострову. Можно даже думать, что варяги нашей лѣтописи обитали по берегамъ Невы; по крайней мѣрѣ еще въ XVI вѣкѣ тамъ существовали деревни и дворы, носившіе имена варяговъ и указывавшіе на старыя варяжскія поселенія. Эти-то невскіе варяги-скандинавы и были, повидимому, тѣмъ племе-

---

работами по исторіи Финляндіи, былъ написанъ 50 лѣтъ тому назадъ, удостоенъ демидовской преміи и принятъ Академіею для напечатанія. Но смерть автора въ 1862 году задержала появленіе въ свѣтъ его труда, и закончить его печатаніемъ удалось всего только въ прошломъ году. Излагая написанную по русскимъ и шведскимъ источникамъ исторію Невы и шведскаго города Ніеншанца, Гилленгъ набрасываетъ широкую картину исторической жизни финскаго сѣвера и даетъ какъ бы введеніе въ исторію Петербурга, основаннаго на мѣстѣ Ніеншанца. Несмотря на давность, трудъ не потерялъ своего значенія и по настоящее время тѣмъ болѣе, что развертываемая въ немъ исторія невскаго края и Финляндіи полна современнаго интереса. Послѣднее обстоятельство дало намъ поводъ предложить очеркъ исторіи русской Кареліи и Ингерманландіи, основанный въ значительной степени на матеріалахъ вышеприведеннаго труда.

немъ, которое первоначально подчинило новгородскихъ славянъ, а затѣмъ дало имъ князей въ лицѣ Рюрика и его братьевъ.

Аборигенами финскаго прибрежья и Невы были многочисленныя финскія племена, жившія какъ на карельской, такъ и на ижорской ея сторонахъ. Какъ они въ древности назывались, — трудно сказать. Коренными обитателями края должны быть признаны существующія и теперь въ Петербургской губерніи вадьяне, живущіе нынѣ въ Нарвскомъ уѣздѣ; русская лѣтопись называетъ ихъ „Водью или Вожанами", и послѣ—Чудью. Это было большое и сильное племя, занимавшее всю Ингерманландію, находившееся въ союзѣ съ славянами и участвовавшее вмѣстѣ съ ними въ призваніи князей. Впослѣдствіи по имени этого финскаго народа была названа одна изъ подвластныхъ Новгороду областей — Водская пятина. Другимъ древнѣйшимъ населеніемъ Петербургской губерніи были Ингрикоты или лѣтописное племя „Ижера, Ижеряне", давшіе свое имя Ингріи.

Начальныя событія русской исторіи весьма тѣсно связаны съ исторіей Невы, и ея область была долгое время въ центрѣ событій. Послѣ Рюрика она вошла въ составъ Новгородскаго княжества; князья Владиміръ и Ярославъ до полученія кіевскаго стола сидѣли въ Новгородѣ и владѣли всей приневской страной. Нева неоднократно видѣла на своихъ берегахъ этихъ князей, являвшихся туда за сборомъ варяжскихъ дружинъ. Ярославъ, женившись на шведской принцессѣ Ингегердѣ, надолго обезопасилъ свои сѣверныя владѣнія отъ частыхъ набѣговъ варяжскихъ викинговъ. Родственникъ Ингегерды Ранг-

вальдъ былъ назначенъ Ярославомъ правителемъ Ладоги и всѣхъ земель, прилежащихъ къ Невѣ и Финскому заливу. Свѣдѣнія объ этихъ отношеніяхъ Ярослава къ Швеціи мы имѣемъ изъ скандинавскихъ лѣтописей, русскія же объ этомъ совершенно умалчиваютъ. Вся приневская область была отдана Ярославомъ своей женѣ Ингегердѣ въ качествѣ брачнаго подарка и, какъ полагаютъ, отъ ея имени получила шведское названіе Ингерманландіи. Предѣлы этой области были значительно шире нынѣшней Ингерманландіи, не отграничивались Невою, но захватывали и Карелію, т. е. части теперешнихъ губерній Выборгской и Куопіоской. Воинственный викингъ, ставшій намѣстникомъ Ярослава въ краѣ, сразу прекратилъ нападенія на него со стороны варяговъ и завязалъ тѣсныя сношенія съ Скандинавіей. Многіе выходцы изъ Норвегіи и Швеціи охотно искали убѣжища отъ внутреннихъ смутъ на родинѣ въ сѣверной русской области и поступали на службу. Послѣ Ярослава дружественныя связи Руси съ скандинавскимъ сѣверомъ прекращаются.

II.

Русская лѣтопись не знаетъ имени финновъ, какъ обитателей финскаго побережья,—она ихъ называетъ „Ямью“ и упоминаетъ ихъ въ качествѣ данниковъ русскихъ князей. Это финское племя имѣло ближайшее отношеніе къ судьбѣ Невскаго края, и съ нимъ-то сначала Новгороду пришлось вести длинную и тяжелую борьбу за обладаніе сѣверомъ, явившуюся какъ бы введеніемъ въ многовѣковую войну съ Швеціей.

Племя Ямь или ямляне обитали сначала въ предѣлахъ нынѣшней Ингерманлан-

діи и далѣе вокругъ Ладожскаго озера, но постепенно были отодвинуты карельцами къ сѣверу и заняли мѣсто по сѣверному побережью Финскаго залива. Открывшіяся длительныя враждебныя отношенія между Новгородомъ и Ямью, повидимому, объясняются тѣмъ, что племя Ямь считало себя собственникомъ земель, занятыхъ русскими, и вело борьбу, такимъ образомъ, за возвращеніе своей территоріи; затѣмъ, будучи многочисленнымъ и сильнымъ племенемъ, оно не могло мириться съ подчиненіемъ и данничествомъ, наложеннымъ на него Новгородомъ. Какъ бы то ни было, значительная часть Финляндіи, заселенная Ямью, принадлежала русскимъ князьямъ и составляла ихъ владѣнія задолго до покоренія ея въ XII столѣтіи Швеціей.

Первое извѣстіе русскихъ лѣтописей о дѣлахъ съ Ямью относится къ XI столѣтію, именно, къ 1042 году, когда сообщается, что князь Владиміръ Ярославовичъ ходилъ войною на Ямь и побѣдилъ ее. Вмѣстѣ съ Ямью князьямъ пришлось вести упорную борьбу съ Чудью, тоже многочисленнымъ финскимъ племенемъ. Уже во времена Ярослава Чудь доставляла много безпокойства и вызывала неоднократно военные походы противъ себя. Въ качествѣ оплота въ ихъ землѣ былъ даже основанъ Ярославомъ городъ Юрьевъ.

Начальная исторія Новгорода почти цѣликомъ заполнена борьбою съ этими племенами. Не было ни одного князя, который не ходилъ бы войною на Ямь или Чудь. Съ другой стороны, и эти послѣднія не оставались въ долгу, и лѣтописецъ весьма часто отмѣчаетъ: „Пріидоша Емь и воеваша область новгородскую“.

Всѣ успѣхи въ этой борьбѣ были на сторонѣ новгородцевъ. Ямь не только должна была смириться, но и дѣло шло къ тому, что земля ея, т. е. теперешняя южная Финляндія, должна была войти въ составъ Великаго Новгорода. Но это естественное теченіе событій было прервано вмѣшательствомъ Швеціи, которая во второй половинѣ XII вѣка приступила къ систематическому завоеванію Финляндіи и къ обращенію ея въ христіанство. Это было временемъ проявленія той же волны крестовыхъ походовъ, которая, по указанію и съ благословенія римскаго папы, обрушилась на восточную (Прибалтійскій край) и сѣверо-восточную Русь.

Новгороду волей - неволей пришлось принять участіе въ отраженіи шведскихъ крестоносцевъ, которые, внезапно появившись въ новгородскихъ земляхъ, осадили Ладогу. Жители послѣдней, поддержанные новгородцами, нанесли страшное пораженіе шведамъ и совершенно ихъ истребили.

Это было первое непосредственное столкновеніе Швеціи съ русскими за владычество на сѣверѣ. Но новгородцы не воспользовались плодами своей побѣды и не поспѣшили изгнать шведовъ изъ Финляндіи, гдѣ тѣ начали только что укрѣпляться.

Около того же времени произошелъ интересный эпизодъ, рисующій кареловъ въ качествѣ предпріимчиваго воинственнаго племени. По свидѣтельству шведскихъ источниковъ, они проникли изъ Балтійскаго моря въ озеро Меларъ, опустошили его берега и сожгли многолюдный городъ Сигтуну, причемъ убили упсальскаго архіепископа и вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыя, по

преданію, теперь подъ названіемъ „шведскихъ“ украшаютъ Софійскій соборъ въ Новгородѣ. Вообще же карелы въ борьбѣ Новгорода съ Ямью и шведами являются его союзниками, не только сопутствуя ему въ походахъ, но и самостоятельно нападая на общихъ враговъ.

Когда попытки Швеціи обосноваться въ Финляндіи стали извѣстны Новгороду, онъ рѣшилъ прервать съ ней всякія торговыя сношенія и, несмотря на всю трудность для себя такой жертвы, въ теченіе тринадцати лѣтъ ни одинъ шведскій корабль или купецъ не появлялись на берегахъ Невы. Мало того, въ 1191 году новгородцы вторгнулись въ страну Ямь, т. е. южную Финляндію, уничтожили находившіяся тамъ шведскія поселенія и дошли даже до Або, который предали огню и разоренію. Въ 1227 году походъ былъ повторенъ и, какъ говоритъ лѣтописецъ, новгородцы „повоевали всю землю“ и возвратились со множествомъ плѣнниковъ.

Приблизительно къ этому же времени относится первое извѣстіе лѣтописи о томъ, что въ Карелію были посланы новгородскіе священники, которые обратили въ православіе и окрестили чуть-ли не всѣхъ кареловъ.

III.

Обрушившіяся на Русь бѣдствія татарскаго нашествія подали мысль Швеціи воспользоваться удобнымъ временемъ для окончательнаго покоренія не только Финляндіи, но, если возможно, и Новгорода, который являлся серьезнымъ претендентомъ на владѣніе этой страной. Въ Швеціи былъ объявленъ крестовый походъ. Создавшееся опасное положеніе для Новгорода усугублялось еще тѣмъ, что почти одновременно на

земли псковскія и новгородскія наступали съ запада ливонскіе рыцари.

Появившись на балтійскомъ побережьѣ въ началѣ XIII столѣтія, рыцари огнемъ и мечомъ стали покорять окрестныя племена, находившіяся въ подчиненіи у русскихъ, и обращать ихъ въ католичество. Въ 1224 году они завладѣли Юрьевомъ, бывшимъ со времени Ярослава главной опорой русскаго владычества въ сѣверной Ливоніи, и вся страна къ западу отъ Наровы и Чудского озера была потеряна для русскихъ. Еще болѣе окрѣпнувъ послѣ сліянія съ тевтонскимъ орденомъ, ливонское рыцарство рѣшило перенести свои завоеванія дальше и овладѣть Псковомъ и Новгородомъ. Въ такихъ завоевательныхъ планахъ оно совпало съ намѣреніями шведскихъ крестоносцевъ.

Судьба русскихъ сѣверныхъ княжествъ, такимъ образомъ, была подвержена величайшей опасности, съ запада и сѣвера ихъ грозили затопить крестоносныя ополченія, шедшія на Русь подъ знаменемъ креста и меча, воспламененныя религіознымъ фанатизмомъ. Въ эти исключительно трудныя минуты Новгородомъ и Псковомъ было обнаружено героическое мужество, спасшее отечество и вѣру. Вотъ какъ спокойно повѣствуетъ лѣтописецъ объ этомъ моментѣ: „Пришли шведы въ силѣ великой, съ ними норвежцы, сумь и ямь, шведы съ княземъ и епископы своими. И было ихъ многое множество. Пришли они на корабляхъ въ Неву и стали при устьѣ Ижоры, думая взять Ладогу, Новгородъ,—словомъ сказать,—всю область Новгородскую. Но преблагій и премилостивый человѣколюбецъ Богъ соблюлъ насъ и защитилъ отъ иноплеменниковъ“.

Мы не будемъ останавливаться на событіи, рѣшившемъ судьбу Руси на берегахъ Невы, гдѣ доблесть новгородскаго князя Александра Ярославовича спасла страну отъ грознаго нашествія. Оба крестоносныя ополченія — шведское и нѣмецкое,—были на голову разбиты соединенными новгородско-псковскими дружинами, и, такимъ образомъ, были разрушены замыслы шведовъ завладѣть областью Невы и сѣверными русскими землями.

Потерпѣвъ полную неудачу въ этомъ направленіи, шведы направили всѣ свои усилія теперь на Финляндію и съ огнемъ и мечомъ прошли все южное финское побережье, искореняя вездѣ язычниковъ и насаждая католичество. Новгородцы, занятые своими внутренними дѣлами и смутами, упорной борьбой съ ливонскими рыцарями, не могли воспрепятствовать утвержденію шведскаго господства въ Финляндіи, хотя въ 1256 году князь Александръ Невскій предпринялъ трудный походъ туда по льду Финскаго залива и напалъ на Ямь, взялъ плѣнниковъ и добычу и благополучно возвратился.

Послѣ этого проходитъ довольно долгое время, въ продолженіе котораго лѣтописи ничего не говорятъ ни о столкновеніяхъ между шведами и новгородцами, ни о походахъ послѣднихъ въ Финляндію. Очевидно, новгородцамъ было не до шведовъ и некогда было думать о своихъ правахъ на Финляндію, когда дома происходили серьезныя неурядицы.

Между тѣмъ, за это время шведы успѣли распространить свое вліяніе и на Карелію, и часть ея жителей обратить въ католичество. Этимъ обстоятельствомъ, повидимому, объясняется

рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ русскихъ князей къ этому племени, которое до того было вѣрнымъ союзникомъ Новгорода. Въ 1278 году новгородцы во главѣ съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ „со всею низовскою землею“ ходили на Карелію и „казнили ее, и взяли землю ея на щитъ“, т. е. наказали за измѣну.

Болѣе рѣшительно выступали новгородцы лишь тогда, когда шведы отваживались появляться на Невѣ или у Ладожскаго озера. Исходъ такихъ нападеній всегда былъ неудаченъ для шведовъ, и новгородцы, не довольствуясь пораженіемъ непріятеля, внезапно вторгались въ его собственные предѣлы и, какъ говоритъ лѣтописецъ, „повоевавъ страну, возвращались всѣ здравы“. Къ сожалѣнію, это были только дѣйствія новгородскихъ удальцовъ, а не планомѣрныя мѣропріятія Великаго Новгорода для охраны своихъ владѣній отъ шведовъ. Побѣдоносныя новгородскія дружины, въ страхѣ державшія ливонскій орденъ и Швецію, не задавались широкой цѣлью совершенно очистить отъ шведовъ Финляндію. И это было крупной ошибкой всей политики Новгорода, отразившейся на дальнѣйшей исторіи финскаго сѣвера.

IV.

Шведы, между тѣмъ, медленно, но вѣрно захватывали Финляндію и шагъ за шагомъ приближались къ заневскимъ и приладожскимъ владѣніямъ Новгорода. Въ 1293 году они появились въ юго-западной Кареліи и для укрѣпленія за собой края положили основаніе Выборгской крѣпости. Новгородцы обезпокоились такимъ близкимъ нахожденіемъ

„свѣйскаго города", да еще въ предѣлахъ карельской земли, которую они считали своею собственностью, и снарядили туда экспедицію. Но первое появленіе русскихъ подъ Выборгомъ было неудачно. Крѣпость успѣла уже достаточно обстроиться и малочисленная новгородская дружина не могла ею овладѣть.

Пользуясь Выборгомъ, какъ базисомъ, шведы теперь смѣло и энергично повели завоеваніе Кареліи, основали 14 католическихъ приходовъ, въ короткое время дошли до береговъ Ладоги и овладѣли Кексгольмомъ. Но не успѣли они тамъ еще укрѣпиться, какъ внезапно появившіеся новгородцы послѣ кровопролитнаго приступа взяли крѣпость и истребили всѣхъ ея защитниковъ.

Признавъ важное значеніе этого пункта, новгородцы постарались всячески укрѣпить его, чтобы на будущее время сдѣлать недоступнымъ для шведовъ. Лѣтописецъ объ этомъ событіи говоритъ такъ: „Поставиши Свѣа съ воеводою своимъ Сигомъ городокъ въ Корѣлѣ; новгородцы же шедше, городъ разгребоша, а Сига убиша, не пустиша ни мужа" (т. е. уничтожили до послѣдняго человѣка). Повидимому, до построенія Кексгольма шведы овладѣли небольшой крѣпостцой, построенной въ 1310 году, и о которой тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ, что „ходиша въ этотъ годъ новгородцы въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро и идоша въ рѣку Узьерву, и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхый сметавше". Городъ этотъ назывался тоже Корелой, а у шведовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кексгольма. Найдя это укрѣпленіе недостаточнымъ, шведы, взявши старый городокъ, возвели рядомъ съ нимъ новую крѣпость, которую и разрушили новгородцы.

Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ укрѣпиться на берегахъ Ладожскаго озера и видя, что нѣтъ надежды прочно обосноваться въ Финляндіи до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ новгородцевъ будетъ находиться теченіе рѣки Невы, шведы рѣшили построить на ней сильную крѣпость, снабдить ее большимъ гарнизономъ и тѣмъ не только преградить новгородцамъ доступъ въ Финляндію, но и захватить въ свое распоряженіе ихъ морскую торговлю. Для этой цѣли былъ въ 1300 году предпринятъ большой походъ къ Невѣ. И дѣйствительно, при впаденіи р. Охты въ Неву, безпрепятственно была заложена крѣпость, которая должна была увѣнчать полуторастолѣтнія усилія шведовъ къ завладѣнію Финляндіей и потому была названа громкимъ именемъ Ландскроны („вѣнецъ страны“). Крѣпость была построена по всѣмъ правиламъ тогдашняго инженернаго искусства и, по словамъ лѣтописца, обладала „твердостью несказанною“.

По сообщеніямъ шведскихъ хроникъ, русскія пытались было помѣшать постройкѣ крѣпости и для этого прибѣгли къ оригинальному средству. Желая истребить непріятельскій флотъ (по сказаніямъ шведскихъ хроникъ, простиравшійся до 1.200 судовъ), который вступилъ въ Неву и проникъ даже въ Ладожское озеро, русскіе съ своей стороны снарядили до 1.000 и смѣло появились въ Ладожскомъ озерѣ. Находившаяся тамъ часть шведскаго флота обратилась въ бѣгство и скрылась въ Неву. Тогда русскіе, преслѣдуя непріятеля, пустили впереди себя внизъ по теченію громадные зажженные плоты изъ сухого лѣса и намѣревались, такимъ образомъ, сжечь весь шведскій флотъ, стоявшій у новой крѣпости. Но

какъ разсказываетъ хроника, шведы догадались протянуть черезъ рѣку желѣзную цѣпь, которая задержала эти своеобразные брандеры и не допустила ихъ до флота. Подойдя къ крѣпости, русскіе въ числѣ 31 тыс. высадились на берегъ и смѣло пошли на приступъ, но были отбиты, послѣ чего не стали дальше препятствовать постройкѣ и ушли.

Наша лѣтопись гораздо проще и безъ явныхъ преувеличеній повѣствуетъ о судьбѣ знаменитой Ландскроны. Сообщивши о постройкѣ крѣпости и прибавивши, что „князю великому не будущу тогда въ Новѣгородѣ“ и, слѣдовательно, онъ не могъ немедленно помѣшать шведскому предпріятію, лѣтописецъ говоритъ дальше: „Въ лѣто 1301 приде князь великій Андрей съ полки низовскими и иде съ новгородци къ городу тому и потягнуша крѣпко; силою святыя Софьи и помощью святыхъ Бориса и Глѣба твердость та ни во что же бысть за высокоумье ихъ (лѣтописецъ возмущенъ былъ похвальбой, выразившейся въ названіи города „вѣнцомъ земли“), зане всуе трудъ ихъ безъ Божія повелѣнія: градъ взятъ бысть, овыхъ избиша и изсѣкоша, а иныхъ извязавше поведоша съ города, а градъ запалиша и разгребоша“.

Возстановивъ свои права на Неву и обезопасивъ снова торговлю по ней, новгородцы, лѣтъ 10 спустя по разрушеніи Ландскроны, совершили большой удачный походъ въ Финляндію и жестоко опустошили все побережье „села и грады пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога“. Шведы не остались въ долгу и, появившись въ Ладожскомъ озерѣ, сожгли Ладогу и возмутили кареловъ, которые перебили всѣхъ русскихъ, находившихся въ Ка-

рельскомъ городкѣ, и сдали его непріятелю. Но новгородцы скоро опять привели Карелу въ подчиненіе и сурово наказали жителей за измѣну. Въ 1318 году новгородцы появились на берегахъ юго-западной Финляндіи, дошли до Або и взяли абоскій замокъ и другой сосѣдній, принадлежавшій епископу.

V.

Въ 1322 году Новгородъ рѣшилъ изгнать шведовъ изъ Выборга; въ походѣ принялъ участіе даже московскій великій князь Юрій Даниловичъ, предводительствовавшій новгородцами. Они явились подъ Выборгъ и въ теченіе мѣсяца держали его въ осадѣ, громя его стѣны камнеметными орудіями, избили много шведовъ, много забрали въ плѣнъ, но сильная крѣпость не сдалась и осаждающіе, въ концѣ концовъ, отступили, тѣмъ болѣе, что великій князь спѣшилъ въ Москву, гдѣ ему нужно было укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отстаивать свой велико-княжескій престолъ.

Постоянныя вторженія шведовъ Невою въ Ладожское озеро уже давно указывали новгородцамъ на необходимость болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для защиты владѣній. Поэтому въ 1323 году, по мысли того же князя Юрія, уже лишившагося великаго княженія въ Москвѣ, они рѣшили укрѣпить обладаніе Невой и при истокѣ ея изъ Ладожскаго озера, на островѣ Орѣховомъ, заложили крѣпость Орѣшекъ или Орѣховецъ, нынѣшній Шлиссельбургъ.

Замѣчательно, что вмѣсто ожидаемаго нападенія шведовъ, сооруженіе этой крѣпости ознаменовалось въ томъ же году заключеніемъ въ стѣнахъ ея перваго мирнаго договора между Россіей и Швеціей.

Б[illegible]А
Башкир[illegible]
[illegible] СССР

Почти уже 200 лѣтъ шведы и новгородцы боролись за обладаніе Невою и Финляндіей, и доселѣ ни та, ни другая сторона не думала еще прекратить борьбу предложеніемъ мира; теперь же совершенно неожиданно „пріѣхали,—говоритъ лѣтописецъ, — великіе послы отъ короля шведскаго и заключили миръ вѣчный съ княземъ и Новгородомъ по старой пошлинѣ".

По этому первому письменному договору, заключенному между Швеціею и Россіей и извѣстному подъ названіемъ Орѣховскаго, Швеціи уступлены въ знакъ дружбы три карельскихъ прихода или общины —Саволаксъ, Якипсъ и Эвряпя. Границею назначалась черта, идущая отъ Финскаго залива вверхъ по Сестрѣ рѣкѣ, далѣе по р. Сяіоки, потомъ по западной части нынѣшняго Кексгольмскаго уѣзда, и чрезъ озера Пуровеси, Оривеси и Юярви, въ Куопіоской губерніи и, наконецъ, по восточной границѣ нынѣшней Улеаборгской губерніи до норвежской границы. Далѣе было постановлено, чтобы шведскіе и нѣмецкіе купцы пользовались свободнымъ проѣздомъ по Невѣ; чтобы въ Кареліи не было воздвигаемо никакихъ новыхъ укрѣпленій—ни русскихъ, ни шведскихъ; чтобы шведы не пріобрѣтали себѣ въ русской Кареліи, равно какъ и русскіе въ шведской, никакой недвижимой собственности: чтобы шведы не помогали въ войнѣ жителямъ Нарвы, если послѣдніе не исправятся въ своихъ винахъ предъ великимъ княземъ и новгородцами.

Трудно объяснить, почему такъ внезапно былъ заключенъ этотъ договоръ въ то самое время, когда, повидимому, обѣ стороны готовились къ энергичному продолженію военныхъ дѣйствій. Но по главнѣйшимъ пунктамъ его можно дога-

даться, что на первомъ планѣ соглашенія стояли отнюдь не урегулированіе вѣкового спора и установленіе законныхъ границъ, а торговые интересы купцовъ, безпрепятственныя торговыя сношенія между Новгородомъ и богатой Ганзой. Отъ постоянныхъ войнъ торговый путь Нева—Финскій заливъ много страдалъ, торговля прерывалась, и Ганза терпѣла убытки. Неудивительно поэтому, что она употребила всѣ усилія и средства, чтобы принудить короля шведскаго и новгородцевъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій. Въ шведскомъ посольствѣ, заключавшемъ договоръ, въ качествѣ представителей, дѣйствительно находились купцы изъ Готланда и Ганзы.

Миръ, заключенный подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а не вызванный потребностью самихъ воюющихъ, не могъ быть прочнымъ и вѣчнымъ, онъ продолжался не болѣе 14 лѣтъ и былъ нарушенъ вслѣдствіе возстанія, произведеннаго въ русской Кареліи.

Въ 1337 году карелы, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, призвали на помощь шведовъ, перерѣзали православныхъ русскихъ купцовъ-новгородцевъ и ладожанъ, находившихся въ городѣ Карельскѣ, и бѣжали затѣмъ въ Выборгъ.

Въ слѣдующемъ году новгородцы съ посадникомъ Ѳедоромъ двинулись въ Неву и, ставъ подъ Орѣховцемъ, потребовали отъ Выборга объясненія и выдачи мятежниковъ. Вмѣсто отвѣта, шведы съ карелами напали на Обонежье и сожгли ладожскій посадъ, не завладѣвъ все-таки городомъ. Тогда новгородцы подступили къ Выборгу и, не осаждая самого города, на громадное пространство опустошили его окрест-

ности и истребили все, чего не могли взять съ собою.

Новое появленіе шведовъ въ Водской землѣ и у Копорья было безуспѣшно, — они были съ большимъ урономъ отбиты. Въ слѣдующемъ году отъ выборгскаго воеводы Петрика прибыли въ Новгородъ послы и выразили отъ имени короля сожалѣніе по поводу нарушенія мира и заявили, что искренно желаютъ соблюдать договоръ. Для подтвержденія послѣдняго Новгородъ послалъ въ Выборгъ своихъ уполномоченныхъ, которые и заключили новый договоръ, во всемъ согласный съ прежнимъ, утвержденнымъ въ Орѣховѣ. Разсмотрѣніе же вопроса о выдачѣ карельскихъ мятежниковъ было предоставлено королю, къ которому и отправлена была та же новгородская делегація. Король утвердилъ договоръ и согласился на взаимную выдачу и наказаніе измѣнниковъ; что же касается виновныхъ кареловъ, то ихъ отказался выдать, такъ какъ „они крещены въ нашу вѣру, да немного ихъ и осталось, ибо почти всѣ они уже померли, постигнутые гнѣвомъ Божіимъ“.

VI.

Приблизительно къ тому же времени относится любопытное извѣстіе лѣтописи о томъ, что изъ русской Кареліи и другихъ частей новгородскаго побережья было выдѣлено отдѣльное княжество. Созданіе его объяснялось искуснымъ шагомъ политики Новгорода въ его борьбѣ съ московскими князьями, выказывавшими уже явное намѣреніе посягнуть на самостоятельность вольнаго города. Дабы обезопасить себя съ этой стороны, новгородцы завязали дружественныя сношенія съ могущественнымъ литовскимъ

княземъ Гедиминомъ, соперникомъ Москвы.

На какихъ условіяхъ произошло это сближеніе, неизвѣстно; тѣмъ не менѣе лѣтопись сообщаетъ, что въ 1333 году Богъ вложилъ въ сердце литовскому князю Наримонту, нареченному въ крещеніи Глѣбу, сыну великаго князя Гедимина, поклониться святой Софіи, и что новгородцы отправили ему навстрѣчу посольство, приняли его съ великой честью и, утвердившись обоюдно крестнымъ цѣлованіемъ, „дали ему и дѣтямъ его въ отчину и дѣдину Корельскъ со всею русскою Карелісй, Орѣховъ, Ладогу и половину Поморья".

Сдѣлавъ своимъ удѣльнымъ княземъ сына Гедимина, новгородцы пріобрѣтали въ немъ воинственнаго предводителя, а въ лицѣ его отца—могущественнаго и заинтересованнаго въ цѣлости Новгорода союзника.

Тонкая политика новгородцевъ привела къ цѣли. Великій князь Иванъ Калита не только оставилъ въ покоѣ Новгородъ, но и всячески заискивалъ въ немъ.

Но карельское княжество, повидимому, существовало недолго. Наримонту не сидѣлось въ его далекомъ городѣ Орѣховцѣ. Онъ мечталъ о новгородскомъ столѣ, а поэтому, бросивъ скоро Карелію, уѣхалъ въ Литву. Во время нападенія шведовъ на Карелію его также не было въ городѣ, онъ находился въ Литвѣ: на просьбы поспѣшить, онъ не только не явился, но увезъ изъ Орѣховца и своего сына Александра, оставивъ тамъ только своего намѣстника.

Миръ, такъ торжественно подтвержденный, лѣтъ черезъ десять былъ нарушенъ и уже не выборгскимъ

воеводой, а самимъ шведскимъ королемъ Магнусомъ, который, ища подвиговъ, задался цѣлью поднять противъ „русскихъ язычниковъ", какъ называютъ ихъ шведскія хроники, крестоносное ополченіе, обратить ихъ въ католичество и завладѣть ихъ землею. Было собрано громадное войско изъ шведовъ, датчанъ, голштинцевъ и другихъ европейскихъ наемниковъ, и съ ними король подошелъ къ острову Бьёркё, откуда отправилъ пословъ въ Новгородъ и требовалъ присылки философовъ для состязанія о вѣрѣ. „Если ваша окажется лучшею, я пойду въ вашу вѣру, если же наша, то вы ступайте въ нашу, и будемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Если же вы не захотите идти въ единовѣріе съ нами, то приду на васъ со всею моею силою".

Новгородцы резонно отвѣтили: „Если желаешь узнать, какая вѣра лучше, пошли въ Царьградъ къ патріарху, ибо мы оттуда отъ грековъ приняли истинную православную вѣру, и съ тобою про вѣру спорить не станемъ. Если же тебѣ учинена отъ насъ какая обида,— объяви, шлемъ къ тебѣ пословъ для совѣщанія".

Король сказалъ посламъ, что обиды онъ не знаетъ никакой, но хочетъ, чтобы новгородцы пошли въ его вѣру. Послѣ такого опредѣленнаго заявленія переговоры прекратились, король осадилъ Орѣховецъ, скоро взялъ его и сталъ насильно крестить ижерянъ въ католичество. Новгородцамъ не оставалось ничего больше, какъ съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ короля. Они поспѣшили на помощь къ ижерянамъ, прогнали изъ ихъ земли шведскіе отряды и, собравши большое войско, пошли освобождать Орѣховецъ. Король, до-

вольный первой удачей, къ тому времени уже возвратился въ Швецію, оставивъ въ завоеванной крѣпости значительный гарнизонъ. Для отраженія шведовъ новгородцы обратились за помощью къ московскому великому князю Симеону Гордому, но тотъ, пообѣщавъ, поддержки никакой не оказалъ, и новгородцамъ пришлось самимъ отбирать обратно отъ шведовъ Орѣховецъ, что они послѣ довольно длительной и трудной осады и сдѣлали, овладѣли крѣпостью и уничтожили весь шведскій гарнизонъ.

Шведская хроника еще ярче описываетъ неудачу похода короля Магнуса. Русскіе, призвавъ къ себѣ на помощь литовцевъ и татаръ, сильно стѣснили войско короля и, наконецъ, заперли его въ какой-то рѣкѣ со всѣмъ его флотомъ. Изъ этого затруднительнаго положенія король спасся будто бы только тѣмъ, что приказалъ прокопать каналъ, по которому флотъ его и вышелъ въ открытое море.

Чтобы наказать шведовъ за такое вѣроломное нарушеніе договора, новгородцы послѣ этого вторглись въ шведскую Карелію, явились подъ Выборгомъ, сожгли его предмѣстье, разбили шведовъ, сдѣлавшихъ изъ крѣпости вылазку, и страшно опустошили страну, не щадя ничего и никого. Но вскорѣ затѣмъ охотно вступили въ мирные переговоры и въ Юрьевѣ (Дерптѣ) обмѣнялись со шведами плѣнниками. Миръ былъ снова скрѣпленъ и на этотъ разъ на довольно продолжительное время, такъ какъ почти въ теченіе 30 лѣтъ, начиная съ 1350 года, ничего не слышно о враждебныхъ столкновеніяхъ между Швеціей и Новгородомъ.

Не тревожимый съ сѣвера Новгородъ

употреблялъ всю изворотливость своей политики на отраженіе притязаній Москвы. Сильнымъ оружіемъ въ его рукамъ была постоянная угроза союзомъ съ сильной Литвой. Не обезкураженный неудачей съ Наримонтомъ, онъ продолжалъ приглашать литовскихъ князей и отдавать имъ въ видѣ вотчинъ и кормленій земли по Невѣ, въ Ингерманландіи и Кареліи. За это они обязывались служить Новгороду, защищать его предѣлы отъ враговъ и быть предводителями его дружинъ. Въ 1383 году сынъ князя литовскаго Наримонта Патрикій получилъ въ кормленіе Орѣховецъ, Корельскъ, половину Копорья и Лужское село. Черезъ пять лѣтъ другой Гедиминовичъ—Лугвеній Ольгердовичъ владѣлъ этими же самыми городами.

Весьма охотно пользовался Новгородъ услугами и русскихъ князей-изгнанниковъ и посылалъ ихъ на охрану своимъ сѣверныхъ приневскихъ земель, давая тамъ имъ во владѣніе пограничные города. Эта умѣлая политика приносила свои плоды, и русская Карелія, имѣя своего собственнаго князя, была достаточно защищена отъ внезапныхъ нападеній сосѣдей и жестоко мстила въ случаѣ ихъ враждебныхъ дѣйствій.

Такъ, въ 1392 году шведы вторглись въ Неву и разорили оба берега вплоть до Орѣховца. Орѣховскій князь Лугвеній преслѣдовалъ непріятеля и почти всего истребилъ. Черезъ три года „нѣмцы-свѣи“, какъ говоритъ лѣтопись, напали на вновь построенный городокъ Ямы, а затѣмъ и на русскую Карелію, но были разбиты и прогнаны владѣвшимъ тогда краемъ княземъ Константиномъ Бѣлозерскимъ. Въ 1411 году

шведы снова появились на невскихъ побережьяхъ и овладѣли городкомъ шведскимъ Тиверскимъ. Новгородцы сейчасъ же снарядили сильную экспедицію въ шведскую Карелію, подъ начальствомъ князя Литвенія Ольгердовича, дошли до Выборга, все предавая на пути огню и мечу, разрушили его предмѣстья и внѣшнія укрѣпленія и благополучно вернулись со множествомъ плѣнниковъ и богатой добычей.

VII.

Но всѣ эти враждебныя дѣйствія шведовъ были, повидимому, случайны и исходили отъ мѣстныхъ властей, а не руководились шведскимъ правительствомъ. Поэтому мирныя отношенія между нимъ и Новгородомъ не прекращались до самой потери послѣднимъ своей политической самостоятельности.

Но зато возобновились военныя отношенія съ ливонскимъ орденомъ, который снова проявилъ активность и наступательную политику. Въ 1444 году ливонскіе рыцари напали на городъ Иму и разорили его. Въ слѣдующемъ году они ворвались въ Ингерманландію и опустошили страну Води, берега Ижоры и Невы и снова осадили Иму. Новгородцы жестоко отомстили рыцарямъ и подвергли разоренію окрестность Нарвы, берега Наровы вверхъ до Чудскаго озера. Видя недостаточность своихъ силъ для борьбы съ Новгородомъ, орденъ въ 1448 году объявилъ противъ него священную войну, заключилъ наступательный союзъ съ скандинавскими государствами, пытался даже привлечь Литву. Предполагалось, что шведы должны занять Неву, прекратить всѣ пути для торговли и прервать подвозъ съѣстныхъ припасовъ, войска

же ордена должны наступать съ суши и осадить цѣлый рядъ городовъ.

Новгороду, такимъ образомъ, готовился страшный ударъ. У него не было союзниковъ, онъ былъ истощенъ длившимся нѣсколько лѣтъ подрядъ голодомъ и другими бѣдствіями. Гибель была неминуема. Но результаты столь грознаго похода объединенныхъ силъ были совершенно неожиданны. Псковскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что новгородцы не пали духомъ, „пошли противу князя-местера рижскаго, и противъ короля прусскаго (великаго магистра тевтонскаго), и противъ короля свейскаго и стали на Наровѣ, біяся черезъ рѣку съ погаными нѣмцами, и побили много ихъ, а иныхъ многихъ на морѣ въ бусахъ побили, иные потонули, иныхъ въ плѣнъ забрали, а съ ними и двухъ князей нѣмецкихъ, и много добыли корысти". Шведы, повидимому, не успѣли выполнить своей задачи на сѣверѣ, и потому на берегахъ Невы никакихъ дѣйствій не было. Потерпѣвъ пораженіе, рыцари вынуждены были согласиться на миръ, который былъ заключенъ на Наровѣ срокомъ на 25 лѣтъ; всѣ требованія и условія Новгорода были удовлетворены.

Это была послѣдняя внѣшняя война, которую велъ Новгородъ, какъ самостоятельное и независимое государство. На протяженіи столѣтій онъ мужественно отбивался отъ могущественныхъ сосѣдей на сѣверѣ и западѣ. Его тяжелую руку испытали на себѣ всѣ, кто только осмѣливался покуситься на его владѣнія. Въ этой борьбѣ онъ не уступилъ ни пяди своей земли и широко раздвинулъ на сѣверѣ границы своей территоріи. Но ударилъ и его часъ, и Великій Новгородъ вынужденъ былъ

склониться подъ власть постепенно выросшаго и окрѣпшаго московскаго государства и войти въ его составъ въ качествѣ одной изъ его областей.

Новое политическое положеніе Новгорода не замедлило самымъ существеннымъ образомъ отразиться на внутренней жизни его бывшихъ земель и, въ частности, интересующихъ насъ невскихъ побережій. Карелін и Ингерманландіи. Великій Князь Иванъ III весьма недальновидно уничтожилъ ганзейскую торговлю въ Новгородѣ, бывшую источникомъ богатства для края. Раздраженный поступкомъ ревельскаго магистрата, казнившаго одного русскаго, князь приказалъ посадить въ тюрьму всѣхъ находившихся въ то время въ Новгородѣ иностранныхъ купцовъ изъ Ревеля, Дерпта, Любека, Гамбурга и др. городовъ Германіи, всѣ товары ихъ отобрать въ казну, гостинные дворы ихъ и церковь запечатать. Послѣ этого Ганза прекратила всякія торговыя сношенія съ Новгородомъ и перевела свои торговые пункты въ Ригу, Ревель, Дерптъ и Нарву. Источникъ богатства и благосостоянія Новгорода изсякъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и его прежнее многолюдство, ослабѣлъ духъ предпріимчивости и торговой иниціативы.

Еще болѣе ощутительно отразился этотъ ударъ на судьбѣ невскихъ побережій. Тамъ за прекращеніемъ торговаго движенія послѣдовало полное оскудѣніе средствъ къ жизни, распространилась общая бѣдность и многіе города и селенія совершенно запустѣли. Главный торговый путь края—Нева стала пустынной и безлюдной, и поверхность ея водъ уже не бороздили ганзейскіе и новгородскіе корабли. Жизненный нервъ края—торговля умерла.

VIII.

Московскій періодъ.

А между тѣмъ борьба за эти побережья приняла еще болѣе широкій размѣръ и повелась съ новой энергіей, когда собственникомъ ихъ стало большое и сильное московское государство. Вѣковой споръ, шедшій между Новгородомъ и Швеціей за обладаніе Невой и свободнымъ выходомъ въ Европу, вошелъ въ новый фазисъ. Если Новгороду Нева нужна была, какъ торговая артерія, по которой притекали къ нему богатства, то молодому московскому государству она необходима была, какъ единственный путь, соединяющій его съ моремъ и черезъ то связующій со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Вотъ почему оно приняло на себя всѣ права и обязанности Новгорода по отношенію къ сѣвернымъ „отчинамъ и дѣдинамъ“—Карелія и Ингерманландія, и открыло рядъ безпрерывныхъ войнъ за окончательное упроченіе за собой русскаго сѣвера.

Обстоятельства внутренней жизни Швеціи, боровшейся за свою самостоятельность противъ Даніи, скоро втянули великаго князя Ивана III въ ихъ домашнія распри. Датскій король Гансъ, желая окончательно покорить своей власти Швецію, заключилъ тайный союзъ съ Москвой, по которому послѣдней за военную помощь предоставлялась Финляндія. Результатъ этого соглашенія былъ походъ русскихъ войскъ въ 1495 году въ шведскую Карелію и осада Выборга. Походъ былъ вообще удаченъ, но Выборгъ не пришлось взять, несмотря на хорошо подготовленныя осадныя работы; страшный взрывъ порохового погреба навелъ панику на осаж-

дающихъ и заставилъ ихъ поспѣшно отступить.

Въ слѣдующемъ году Иванъ III лично прибылъ въ Новгородъ и, собравъ новыя ополченія, направилъ ихъ на „Гамскую землю", т. е. южную Финляндію или Тавастландію. Русскіе воеводы дошли до самого Тавастгуса, разбили нѣсколько шведскихъ отрядовъ, все выжгли на своемъ пути и благополучно возвратились. Въ то же время по распоряженію князя, отряды устюжанъ, двинянъ и обонежцевъ напали съ сѣвера, черезъ нынѣшнюю Олонецкую губернію, и разорили сѣверную Финляндію до рѣки Торнео и Ботническаго залива.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ большая часть Финляндіи была опустошена русскимъ, но они не сдѣлали попытки болѣе прочно обосноваться въ важнѣйшихъ пунктахъ страны и оставить тамъ гарнизоны, вслѣдствіе чего эти набѣги, кромѣ плѣнниковъ и добычи, не давали никакихъ другихъ результатовъ. Въ свою очередь, шведы такъ были обезсилены внутренней смутой, что не въ состояніи были защитить свои собственные предѣлы. Только одинъ шведскій отрядъ вторгся въ область рѣки Наровы и захватилъ недавно построенный Ивангородъ, но не былъ въ силахъ удержаться тамъ и скоро очистилъ его.

Чтобы обезопасить себя на будущее время со стороны Россіи, Швеція въ 1504 году заключила съ ней перемиріе на 20 лѣтъ, которое, по новому договору въ 1510 году, было продолжено еще на 60 лѣтъ.

Для невскаго края и русской Карелін насталъ періодъ довольно продолжительнаго мира.

IX.

Если бы мы попытались послѣ описанія длиннаго ряда кровавыхъ войнъ

посмотрѣть, каково было внутреннее состояніе края при переходѣ его подъ московское управленіе, то были бы въ большомъ затрудненіи. Лѣтопись говоритъ только о войнахъ и походахъ и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, свѣдѣній же объ экономическомъ состояніи края, объ образѣ жизни, занятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ обитателей невскихъ побережій она не даетъ. Тѣмъ не менѣе, кой-какія извѣстія могутъ быть почерпнуты изъ писцовыхъ или переписныхъ книгъ новгородскихъ пятинъ, составленныхъ по распоряженію московскаго правительства и представляющихъ описаніе всѣхъ земель и угодій Великаго Новгорода.

Въ исходѣ XV вѣка владѣнія Новгорода, за исключеніемъ Заволочья и нѣкоторыхъ земель на крайнемъ сѣверѣ и югѣ, раздѣлялись, какъ извѣстно, на пять областей или пятинъ — Вотскую, Шелонскую, Обонежскую, Деревскую и Бѣжецкую. Надо думать, что это дѣленіе окончательно было введено Иваномъ III, въ болѣе же раннее время новгородская область раздѣлялась на погосты, т. е. приходы или округа, начало которыхъ восходитъ ко временамъ св. Ольги. Кромѣ того, существовало еще дѣленіе на уѣзды — совокупность погостовъ.

Въ Вотской пятинѣ, составлявшей сѣверо-западную часть владѣній новгородскихъ, было 6 уѣздовъ, далеко неравныхъ между собою по числу погостовъ,— Новгородскій, Ямской — по низовью Луги, Копорскій—по южному берегу Финскаго залива отъ Луги до Стрѣльны, Ладожскій—по низовьямъ Волхова и южному берегу Ладожскаго озера, Орѣховскій—по обѣимъ берегамъ Невы и Карельскій—къ сѣверу отъ предыдуща-

го, по западному и сѣверу-восточному побережью Ладожскаго озера.

Наиболѣе интересующій насъ въ исторіи Невы Орѣховскій уѣздъ имѣлъ 8 погостовъ: Спасскій-Городенскій—по сѣверному берегу Невы отъ истока до села Лахты на берегу Финскаго залива, Ивановскій-Куйвошскій на сѣверѣ отъ Ладожскаго озера до шведской границы на рѣкѣ Сайѣ, Воздвиженскій - Корбосельскій по лѣвому берегу р. Сестры до Лахты, Ильинскій-Келтушскій, Егорьевскій-Лопьскій — на востокъ отъ Орѣшка, по южному берегу Ладожскаго озера, Никольскій-Ярвосольскій—по верхнему теченію рѣкъ Назьи и Мьи, Никольскій-Ижорскій по рѣкамъ Тосиѣ, Ижорѣ и Славянкѣ и Введенскій - Дудоровскій —между рѣками Ингою и Стрѣльною.

Всѣ земли въ этихъ погостахъ принадлежали или великому князю, или монастырямъ и церквамъ, или, наконецъ, частнымъ вотчинникамъ. Коренные обитатели невскихъ побережій — Ижера, Водь и Карелы, сидѣвшіе на этихъ земляхъ и несшіе государственныя дани, различные оброки и подати давно уже принадлежали къ православной церкви и управлялись новгородскимъ архіепископомъ. Значительно позже при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ была учреждена даже отдѣльная карельская епархія съ епископомъ карельскимъ и орѣшскимъ.

Жители каждаго погоста составляли особую церковную общину, имѣли свою церковь и священника. Въ городѣ Орѣховцѣ, кромѣ погостской церкви во имя Спаса Преображенія, были еще двѣ городскія церкви и два монастыря. Въ городѣ Корелѣ (Кексгольмѣ) было три церкви вмѣстѣ съ погостской и четыре монастыря, наконецъ, къ Кареліи же причислялись еще мо-

пастыри Коневскій и Валаамскій на островахъ Ладожскаго озера.

Но несмотря на такое обиліе церквей и монастырей, большинство финскаго населенія края числилось христіанами только по имени и продолжало оставаться язычниками, и для новгородскихъ владыкъ было немало заботъ по искорененію слѣдовъ язычества и утвержденію населенія въ христіанской вѣрѣ; они снаряжали цѣлыя духовныя миссіи, которыя объѣзжали край и просвѣщали населеніе, укрѣпляя его въ вѣрности православной церкви. Но, повидимому, эта дѣятельность давала слабые результаты, и языческія суевѣрія по прежнему господствовали въ массѣ населенія.

Главнѣйшимъ средствомъ къ существованію у жителей края было, конечно, земледѣліе, хотя суровая сѣверная природа плохо вознаграждала труды землепашца. Относительно другихъ промысловъ, были ли они, или нѣтъ,—ничего неизвѣстно. Безъ сомнѣнія, въ прежнее время расцвѣта заграничной торговли Новгорода, берега Невы были гуще заселены и богаче, чѣмъ при наступленіи московскаго владычества, когда эта торговля погибла и частью была перенесена въ города Ливоніи. Нева, оставшись въ сторонѣ отъ всякаго торговаго движенія, заглохла и измѣнила свой видъ: населеніе осталось безъ заработка, который раньше доставляла торговля, и захирѣло въ постоянной нуждѣ и бѣдности. Къ этому нужно еще прибавить суровость климата края, безплодную природу, постоянныя естественныя бѣдствія въ видѣ наводненій, частыхъ голодовъ, опустошительныхъ эпидемій. Лѣтописи новгородскія и псковскія наполнены извѣстіями о повсемѣстныхъ неурожаяхъ,

дороговизнѣ хлѣба, голодѣ, заразительныхъ болѣзняхъ, поражавшихъ и людей, и животныхъ, пожарахъ, стихійныхъ наводненіяхъ, производимыхъ Невой. Населеніе было безсильно бороться со всѣми этими явленіями, постепенно таяло, и прежде шумный край превращался въ пустыню.

Тѣмъ не менѣе политическое значеніе его было чрезвычайно велико, а потому борьба за обладаніе имъ, послѣ краткаго перерыва, не замедлила возобновиться съ особеннымъ ожесточеніемъ.

X.

Въ Швеціи около того времени произошелъ громадной важности государственный переворотъ,—она окончательно освободилась отъ подчиненія Даніи, и престолъ заняла энергичная династія Густава Вазы. Новый король поспѣшилъ закрѣпить дружественныя отношенія съ московскимъ государствомъ. Шведскіе послы, прибывшіе поздравить съ восшествіемъ на престолъ Ивана IV, въ 1537 году подписали новую договорную грамоту о перемиріи между Россіей и Швеціей впредь на 60 лѣтъ. Главными условіями договора были: дозволеніе свободно торговать шведамъ въ Россіи и русскимъ въ Швеціи, взаимная выдача перебѣжчиковъ и возстановленіе древней границы, утвержденной Орѣховскимъ трактатомъ между шведскими и русскими владѣніями въ Кареліи.

Послѣднее условіе должно было быть исполнено въ теченіе 10 лѣтъ особо назначенными уполномоченными для размежеванія. Это-то обстоятельство и послужило причиной постоянныхъ недоразумѣній и кровавыхъ столкновеній на пограничной линіи. Неопредѣленность границъ порождала самоуправ-

ство жителей той и другой стороны, вторгавшихся въ чужіе предѣлы и захватывавшихъ земли и угодья. Отъ мѣстныхъ властей къ правительствамъ летѣли жалобы и протесты: правительства въ свою очередь требовали удовлетворенія и возмѣщенія убытковъ. Но съ такими требованіями не считались ни шведы, ни русскіе. Разграничительная коммиссія не приступала къ дѣлу, въ виду того, что шведамъ было невыгодно возстановленіе границъ по Орѣховскому договору, такъ какъ имъ пришлось бы отказаться отъ нѣкоторыхъ земель, которыя они захватили уже послѣ этого трактата.

Горючій матеріалъ въ отношеніяхъ двухъ государствъ продолжалъ накапливаться. Къ недоразумѣніямъ на карельской границѣ присоединились еще частыя вторженія шведовъ въ русскую Лапландію и чинимые ими незаконные сборы дани съ русскихъ подданныхъ. Скоро цѣлые шведскіе отряды стали дѣлать набѣги на русскую Карелію и опустошать ее. Новгородскій намѣстникъ съ своей стороны также посылалъ отряды, которые доходили до Выборга и даже Вильманстранда, все уничтожая по дорогѣ. Несмотря на то, что съ той и другой стороны въ этихъ набѣгахъ принимали участіе регулярныя войска, разрыва между правительствами еще не произошло, и война не была объявлена. Тѣмъ не менѣе обѣ стороны уже готовились къ борьбѣ и придвигали войска къ границамъ. Король послалъ часть флота въ Неву для выясненія настоящихъ причинъ происходящихъ враждебныхъ дѣйствій, а также кстати и для изученія обстановки будущаго театра войны; самъ же съ большими морскими и сухопутными силами сталъ въ Або.

Въ 1555 году шведскій флотъ, подъ начальствомъ Якова Багге, появился въ водахъ Невы и подошелъ къ Орѣховцу, куда явилось и сухопутное войско. Но русская крѣпость произвела на шведовъ столь внушительное впечатлѣніе, что они, не открывая военныхъ дѣйствій противъ Орѣховца, быстро снялись и отправились назадъ, причемъ флотъ еле спасся отъ гибели.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого шведскаго вторженія на берега Невы было объявленіе Иваномъ IV войны Швеціи, хотя предварительно онъ испробовалъ мирныя средства и потребовалъ полюбовнаго разрѣшенія пограничныхъ недоразумѣній,—въ противномъ случаѣ на шведскаго короля, какъ на зачинщика, сваливалъ всю вину страшнаго кровопролитія. Въ 1556 году повелѣно было воеводамъ идти за рубежъ.

Русскія войска безпрепятственно вступили въ шведскую Карелію и двинулись по направленію къ Выборгу, гоня предъ собою шведскіе отряды и разрушая до основанія укрѣпленія и села. Подъ Выборгомъ произошло первое серьезное сраженіе, въ которомъ шведы были разбиты, и остатки ихъ еле спаслись въ крѣпости. Занявшись осадой Выборга, русскіе воеводы разослали далеко по странѣ многочисленные отряды, которые дѣйствовали удачно, прогнали шведовъ, шедшихъ на помощь городу и совершенно разорили всю шведскую Карелію. Когда русскія войска по неизвѣстной причинѣ сняли осаду и удалились отъ Выборга, все на десятки верстъ вокругъ него представляло одну пустыню -поля были выжжены, жилища испепелены, населеніе истреблено.

Шведскій король увидѣлъ всю дальнѣйшую невозможность продолжать успѣшно

войну. Надежда на воинственность мѣстнаго финскаго населенія оказалась напрасной, слухи о затруднительномъ положеніи московскаго государства—ложными, и потому единственное спасеніе онъ видѣлъ въ скорѣйшемъ заключеніи мира. Царь Иванъ IV съ своей стороны тоже охотно пошелъ навстрѣчу къ возобновленію миролюбивыхъ отношеній, и въ 1557 году былъ заключенъ на 40 лѣтъ миръ на условіяхъ прежняго Орѣховскаго договора.

Споры о границѣ было предоставлено рѣшить снова особой разграничительной коммиссіи, для чего былъ назначенъ двухгодичный срокъ. Особенностью новаго трактата являлось установленіе большихъ льготъ по взаимной торговлѣ, а также выговариваніе безпрепятственнаго проѣзда въ московское государство чрезъ шведскія воды и земли всѣхъ иностранцевъ, по какимъ бы дѣламъ они ни пожелали ѣхать въ Москву—торговымъ, посольскимъ или для поступленія на службу.

XI.

Окончивъ войну со Швеціей, царь Иванъ IV принялся за покореніе Ливоніи, которую считалъ древнимъ владѣніемъ Россіи и потому своимъ законнымъ достояніемъ. Ливонскій орденъ уже доживалъ свои послѣднія минуты. Утративъ свою прежнюю воинственность и не надѣясь на благополучный исходъ борьбы съ Москвой, онъ цѣною своей самостоятельности призвалъ на помощь своихъ могущественныхъ сосѣдей. Восточныя области съ городами Нарвою и Дерптомъ и мн. др. были завоеваны русскими; Ревель и большая часть Эстоніи отдались подъ покровительство Швеціи, Эзель заняла Данія,

а южная Ливонія досталась польскому королю.

Благодаря такому раздѣлу Ливоніи, Швеція впервые утвердилась на южномъ берегу Финскаго залива, въ земляхъ, принадлежавшихъ раньше Новгороду. Спорныхъ мѣстъ между Швеціей и Россіей стало еще больше, а близость этихъ земель сдѣлала борьбу еще острѣе и поводы къ ней создавала еще чаще.

Не мирясь съ захватомъ Эстоніи Швеціей, царь вступилъ съ своими войсками въ этотъ край и завладѣлъ всѣми его городами и крѣпостями, за исключеніемъ только одного Ревеля, который не сдавался.

Одновременно военныя дѣйствія происходили и въ Финляндіи, Кареліи и Ингерманландіи, явившихся другимъ театромъ войны и въ теченіе 25 лѣтъ испытавшихъ всѣ ужасы опустошительныхъ походовъ шведскихъ и русскихъ войскъ. Въ 1570 году шведы разграбили всѣ острова при устьѣ Невы и оба берега до Ладоги, которая въ то время составляла собственную государеву волость. Не меньше страдала Ингерманландія отъ татаръ и казаковъ, бывшихъ въ царскихъ войскахъ и одинаково грабившихъ какъ непріятельскія земли, такъ и свои. Въ 1572 году, большой татарскій отрядъ, рыская по Финляндіи, дошелъ до Гельсингфорса, выжегъ церкви въ Борго и Векелаксѣ, нынѣшнемъ Фридрихсгамѣ, и разорилъ большую часть Выборгской губерніи. Въ 1577 году татарская конница, находившаяся въ составѣ осаднаго корпуса подъ Ревелемъ, зимою по льду Финскаго залива была переправлена въ Финляндію и снова подвергла ее страшному разоренію.

Съ появленіемъ новаго врага въ ли-

цѣ польскаго короля Стефана Баторія, военное счастье стало измѣнять русскимъ. Шведы поспѣшили заключить съ королемъ наступательный союзъ и смѣло вторглись въ русскіе предѣлы съ трехъ сторонъ—изъ Эстоніи въ Ингерманландію, отъ Выборга на Орѣховецъ и изъ Нейшлота въ Обонежье. Но они не въ силахъ были завладѣть русскими крѣпостями—Нарвой, Копорьемъ и Орѣховцемъ и потому удовлетворились грабежомъ и варварскимъ истребленіемъ населенія.

Болѣе серьезный характеръ приняла война, когда во главѣ шведскихъ войскъ сталъ талантливый полководецъ Понтусъ Делагарди. Ему дана была опредѣленная задача—во что бы то ни стало покорить Карелію и Ингерманландію, посадить тамъ шведскіе гарнизоны, строить новыя крѣпости для утвержденія въ краѣ шведскаго владычества и, наконецъ, завладѣть, если возможно, самымъ Новгородомъ. Делагарди поспѣшилъ оправдать всѣ возлагавшіяся на него надежды и открылъ противъ русскихъ рѣшительныя военныя дѣйствія.

Въ 1580 году онъ взялъ Корельскъ или Кексгольмъ; съ паденіемъ этой крѣпости Карелія превратилась въ шведскую провинцію и получила названіе Кексгольмской губерніи и шведское административное устройство. Появившись затѣмъ въ Эстляндіи, Делагарди началъ очищать ее отъ русскихъ войскъ, и цѣлый рядъ крѣпостей—Гапсаль, Нарва, Ивангородъ, Има и Копорье пали и перешли въ руки шведовъ. Такимъ образомъ, и Ингерманландія была покорена и стала шведской губерніей. Одинъ только Орѣховецъ, не смотря на длительную осаду и самое тяжелое обложеніе со всѣхъ сторонъ.

не славался. Оставивъ тогда крѣпость въ покоѣ, Делагарди для увѣнчанія своихъ побѣдъ предпринялъ походъ на Новгородъ, но онъ былъ неудаченъ, такъ какъ, не дойдя до цѣли, шведы въ болотахъ и топяхъ потеряли свою конницу и весь обозъ.

Столь неблагопріятный для русскихъ поворотъ дѣлъ на военномъ театрѣ въ значительной степени объяснялся тѣмъ малодушіемъ, которое овладѣло царемъ Иваномъ Грознымъ послѣ неудачъ въ войнѣ съ побѣдоноснымъ Стефаномъ Баторіемъ. Несмотря на наличіе многочисленнаго войска и сильныхъ крѣпостей, царь бездѣйствовалъ и предоставилъ всю инціативу непріятелю. Такой обстановкой какъ нельзя лучше воспользовались шведы, хотя, впрочемъ, не надолго. Лишь только было заключено перемиріе съ польскимъ королемъ, какъ русскія войска вступили въ Ингерманландію и стали очищать ее отъ непріятеля. Къ сожалѣнію, поднявшіяся волненія на югѣ государства и опасность со стороны крымскаго хана заставили отвлечь часть войскъ, и потому не были отобраны крѣпости Яма, Ивангородъ и Копорье и вся Карелія. По заключенному перемирію это все осталось за Швеціей.

Такая потеря коренныхъ русскихъ владѣній дѣлала миръ ненадежнымъ. И дѣйствительно, въ 1590 году русскія войска двинулись въ Эстляндію, взяли Яму, разбили двадцатитысячный шведскій корпусъ и обложили Нарву. Въ то же время русская и татарская конница сильно опустошили всю Эстляндію и южную Финляндію до Або. Все это, въ концѣ концовъ, принудило шведовъ согласиться на миръ, который и былъ заключенъ у Тявзина, при Наровѣ, въ 1595 году. Главныя условія этого вѣчна-

го мира сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: Швеція спокойно владѣетъ всею Эстляндіей, но отказывается навсегда отъ Ивангорода, Ямы, Копорья съ ихъ уѣздами и возвращаетъ сверхъ того Кексгольмъ со всею русскою Карелією, пограничная линія которой должна быть съ точностью опредѣлена. Дальше шли пункты о предоставленіи правъ свободной торговли, проѣзда, о военнопленныхъ и т. д.

XII.

Тявзинскій трактатъ возвратилъ Россіи потерянные было берега Невы, Карелію и Ингерманландію. Швеція же зато твердо стала въ Эстляндіи и на южномъ берегу Финскаго залива. Такое рѣшеніе вѣковаго спора успокоило обѣ стороны, но не надолго, такъ какъ оно было только частичнымъ: Швецію попрежнему влекло къ невскимъ берегамъ, Россія же считала только временнымъ отказъ отъ Эстляндіи, коренной новгородской земли. Но оба противника изнемогли въ непрерывной борьбѣ, притомъ веденной въ такой энергичной формѣ и темпѣ, какъ это дѣлалъ Иванъ Грозный, и потому они оба были рады создавшемуся вынужденному покою.

Для Россіи онъ былъ тѣмъ болѣе нуженъ, что она вступила въ періодъ затяжной смуты, которая грозила величайшей опасностью самому существованію государства. Эпоха самозванцевъ поколебала всѣ государственные устои и жизнь Россіи, какъ самостоятельнаго государства, поставила на краю гибели. Польша, вдохновительница смуты, вполнѣ недвусмысленно обнаруживала намѣренія завладѣть терзаемой внутренней междоусобицей страной и посадить на престолъ ея своего короля Сигизмунда.

Такой ходъ историческихъ событій не могъ радовать сосѣднюю Швецію. Хотя и она не прочь была воспользоваться временемъ русскаго лихолѣтья, но дальновидная политика подсказывала ей другой образъ дѣйствій. Она боялась, чтобы послѣ Россіи и ее не постигла такая же участь, и чтобы властолюбивый Сигизмундъ не простеръ и на нее свои планы, тѣмъ болѣе, что онъ уже давно являлся претендентомъ на шведскій престолъ.

Вотъ почему Швеція разсудила за лучшее придти на помощь своему сосѣду въ трудномъ положеніи и первая предложила ему вспомогательное войско для борьбы съ внутренней смутой. Борисъ Годуновъ гордо отклонилъ такое содѣйствіе; впачалѣ отказывался отъ него и Василій Шуйскій. Но когда положеніе настолько ухудшилось, что за царемъ оставалось чуть ли ни одна Москва, да и та готовилась измѣнить и перейти на сторону самозванца, то Василій Шуйскій, отбросивъ гордость, послалъ своего племянника князя Михаила Скопина просить у Швеціи помощи и заключить съ ней тѣсный союзъ.

Юный Скопинъ оказался столь же искуснымъ дипломатомъ, сколь и талантливымъ полководцемъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ послалъ въ Выборгъ уполномоченныхъ, которые и подписали договоръ, по которому Швеція посылала вспомогательной корпусъ въ распоряженіе Скопина, за опредѣленное вознагражденіе. За эту услугу царь обязывался уступить Швеціи Кекгольмъ въ вѣчное владѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, были возобновлены и подтверждены всѣ условія тявзинскаго вѣчнаго мира и заключенъ наступательный союзъ противъ польскаго короля.

Мы не будемъ слѣдить за походомъ вспомогательнаго шведскаго войска, выступившаго изъ Выборга въ мартѣ 1609 года, подъ начальствомъ молодого, но уже извѣстнаго военачальника Якова Делагарди, сына знаменитаго Понтуса Делагарди. Благодаря энергіи Скопина, его талантамъ полководца и уму настоящаго государственнаго человѣка, послѣ многихъ трудностей и опасной борьбы, въ которой шведы не всегда являлись помощниками, Москва была освобождена отъ самозванца, и порядокъ какъ бы возстанавливался. Но неожиданная смерть избавителя и героя князя Михаила Скопина, умѣвшаго ладить съ шведами, разрушила все. Союзъ со Швеціей распался, и шведскіе наемники въ первой же битвѣ перешли на сторону поляковъ.

Делагарди съ остатками своего войска вернулся въ Ингерманландію и немедленно открылъ враждебныя дѣйствія противъ Россіи; онъ захватилъ въ Выборгѣ русскіе торговые корабли, якобы въ возмѣщеніе неуплаченнаго жалованья, и направился къ Кексгольму, чтобы оружіемъ взять его, въ виду того, что его не отдавали добровольно, какъ то было условлено по договору. Пока онъ осаждалъ его, другой шведскій отрядъ взялъ Ладогу.

Послѣ шестимѣсячной геройской обороны Кексгольмъ вынужденъ былъ сдаться, а вмѣстѣ съ нимъ снова Карелія стала шведской губерніей. Делагарди употребилъ всѣ усилія, чтобы прочнѣе закрѣпить эту область за Швеціей. Онъ приказалъ произвести топографическое описаніе края и составить карту Ладожскаго озера, во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ оставилъ гарнизоны и для того, чтобы господствовать надъ

Невой, предложилъ основать на ней сильную крѣпость. Дѣйствительно, въ 1611 году на Невѣ, при устьѣ Охты, появилось шведское укрѣпленіе, которое впослѣдствіи получило названіе Ніеншанца.

XIII.

Утвердившись въ Кареліи, Делагарди рѣшилъ осуществить давнюю мысль шведовъ — завладѣть Новгородомъ. Что не удалось его отцу, то посчастливилось сдѣлать ему. Явившись подъ Новгородомъ, онъ вошелъ въ сношеніе съ боярами и, усыпляя ихъ бдительность разговорами о желательности совмѣстной борьбы съ Польшей и избранія на русской престолъ шведскаго принца внезапно ночью овладѣлъ городомъ.

Такъ, впервые за все свое существованіе Новгородъ попалъ въ руки шведовъ. Онъ долженъ былъ признать власть короля и присягнуть его сыну, какъ будущему наслѣднику русскаго престола, въ чемъ и былъ составленъ договоръ, подписанный воеводой и митрополитомъ. Вслѣдъ за Новгородомъ признали власть шведскаго короля Тихвинъ и Ладога; затѣмъ одинъ за другимъ послѣ упорнаго сопротивленія взяты были города Старая Русса, Орѣшекъ, Копорье, Яма, Гдовъ, Порховъ. Ивангородъ и вынуждены были со всѣми своими уѣздами присягнуть шведскому королевичу Филиппу.

Весь сѣверо-западъ русскаго государства очутился въ рукахъ шведовъ, и они выставили такую же претензію, какъ и поляки,—посадить своего принца на русскій престолъ. Избраніе Михаила Ѳеодоровича разрушило эти надежды.

Изгнаніе поляковъ изъ Москвы дало возможность приступить къ очищенію русскаго сѣвера отъ шведовъ. Но войско,

двинутое на Новгородъ, было разбито Делагарди. Тѣмъ не менѣе, положеніе шведовъ не было прочно въ занятомъ краѣ; города поднимали возстаніе и отказывались признавать ихъ владычество. Несмотря на то, что скоро на театрѣ войны появился самъ король, знаменитый Густавъ-Адольфъ, положеніе дѣлъ не измѣнилось особенно сильно: геройская защита Пскова произвела на короля сильное впечатлѣніе и склонила его къ уступчивости.

По заключенному въ 1617 году миру въ Столбовѣ, Швеція возвратила Россіи Новгородъ, Старую Руссу, Порховъ, Ладогу, Гдовъ, но удержала Ивангородъ, Яму, Копорье и Орѣшекъ со всею Ингерманландіей; за ней подтверждалось вѣчное владѣніе Лифляндіей и Кексгольмомъ со всей Русской Карелiей; кромѣ того, Россія уплачивала 20 тыс. руб. серебромъ.

Такимъ образомъ, счастливымъ соперникомъ невскихъ береговъ и прилегающихъ къ нимъ земель на сѣверѣ и на югѣ—Карелiи и Ингерманландіи, бывшихъ въ теченіе многихъ столѣтій предметомъ спора и соперничества, поводомъ къ безпрерывнымъ войнамъ и кровопролитіямъ, оказалась Швеція. Она умѣло воспользовалась исключительно тяжелой порой въ жизни своего соперника и, когда онъ обезсиленный и безпомощный былъ предоставленъ на произволъ всѣхъ хищниковъ, она пришла и наложила свою руку на то, что такъ долго она считала спорнымъ достояніемъ. Россія была отброшена не только отъ береговъ Невы, которыми она такъ долго владѣла, но и отъ побережья Финскаго залива и насильно заперта была въ условія континентальнаго существованія.

Ни одно государство не могло бы мириться съ такимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе государство съ такимъ запасомъ непочатыхъ силъ, неизвѣданныхъ богатствъ и съ стихійною потребностью къ могучему, колоссальному росту, какъ Россія. Борьба за Неву и море должны были возобновиться съ новой силой послѣ того, какъ государство отдохнетъ отъ пережитыхъ потрясеній и снова окрѣпнетъ, и должна была закончиться въ пользу Россіи, потому что того повелительно требовали ея достоинство, честь и государственныя нужды.

XIV.

Эпоха шведскаго владычества.

Прежде, чѣмъ закончить исторію борьбы за Карелію и Ингерманландію, посмотримъ, какая перемѣна произошла въ жизни этихъ старорусскихъ областей съ переходомъ ихъ подъ шведское владычество.

Многочисленныя и безпрерывныя войны совершенно обезлюдили край, и до того слабо населенный. Теперь же онъ представлялъ пустыню, тѣмъ болѣе, что по мирному договору предоставлено было всѣмъ монахамъ, дворянамъ и гражданамъ Ингерманландіи и Кареліи переселиться въ Россію. Этимъ разрѣшеніемъ большинство и воспользовалось; значительная часть карелъ выселилась въ области Новгородскую и Тверскую, остались лишь немногія дворянскія семейства, которыя вступили въ шведскую службу; таковы имена, встрѣчающіяся въ дворянскихъ шведскихъ книгахъ: Насакина, Аминова, Бутурлина, Рубцова, Пересвѣтова, Аполлова и др.

Шведскому правительству предстояла задача заново колонизовать стра-

ну. Поэтому, сейчасъ же по заключеніи мира былъ опубликованъ королевскій манифестъ, которымъ не только шведскіе подданные, но и иностранцы приглашались къ переселенію въ Ингерманландію съ обѣщаніемъ земель и льготъ. Шведы не особенно охотно откликнулись, но зато въ массѣ стали селиться нѣмцы, спасавшіеся отъ ужасовъ религіозныхъ войнъ въ Германіи и искавшіе покровительства у признаннаго защитника реформаціи Густава-Адольфа. Нѣмецкимъ поселенцамъ отводились большіе участки земли, изъ нихъ создавалось мѣстное дворянство, на нихъ сыпались всѣ привилегіи. Въ край была пересажена полностью феодальная система со всей ея несправедливостью и жестокостью по отношенію къ крестьянамъ, которые сразу очутились въ крѣпостномъ состояніи и лишились земли, которая стала собственностью помѣщиковъ. Предоставивъ все нѣмецкимъ колонистамъ и лишивъ туземцевъ не только права земельной собственности, но и возможности владѣть землей на правахъ аренды, правительство задавалось опредѣленной цѣлью вытѣснить первоначальныхъ жителей страны и тѣмъ измѣнить составъ населенія. Кромѣ нѣмцевъ, оно въ широкихъ размѣрахъ практиковало еще переселеніе въ Ингерманландію жителей Финляндіи.

Несмотря на привлеченіе опытныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, земледѣліе было весьма малодоходной статьей въ краѣ, и потому было обращено особенное вниманіе на поднятіе торговли, на созданіе торговыхъ центровъ. Однимъ изъ такихъ вновь устроенныхъ торговыхъ пунктовъ явился городъ Нієнъ около крѣпости Нієншанца на Невѣ, основанный въ 1632 году.

Новому городу были пожалованы различныя привилегіи. Цѣль основанія его была поднять павшую торговлю Невы, привлечь русскихъ и иностранныхъ купцовъ опять на этотъ когда-то шумный торговый путь и замѣнить былое торговое значеніе Новгорода. Но превращеніе Ніеншанца въ большой торговый городъ встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Выборга, который считался самымъ крупнымъ торговымъ пунктомъ шведской Финляндіи и Кареліи и на поднятіе котораго правительство не жалѣло средствъ и льготъ. Въ этой борьбѣ за преимущественное торговое положеніе всѣ выгоды были на сторонѣ Ніеншанца, и онъ быстро росъ и развивался, привлекая къ себѣ всю сѣверную русскую торговлю. Но мирный періодъ жизни для шведскаго сѣвера скоро кончился, и горизонтъ снова заволокло военной грозой.

Царь Алексѣй Михайловичъ, воспользовавшись вторженіемъ въ Литву шведскаго короля, объявившаго войну Польшѣ, и, видя въ этомъ нарушеніе мира, началъ въ 1656 году военныя дѣйствія противъ Швеціи. Истинной причиной новой войны, конечно, было желаніе возвратить Карелію и Ингерманландію, потерянныя по Столбовскому миру. Царь самъ повелъ войска, вторгся въ Лифляндію и взялъ города Динабургъ, Кокенгузенъ и Дерптъ. Другая армія появилась на шведскомъ побережьи и осадила цѣлый рядъ крѣпостей. Ніеншанцъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія, подобно первому городу, основанному на Невѣ—Ландскронѣ. Русскія войска прошли по всему краю и всюду оставляли послѣ себя разрушенные города и селенія; но цѣнныхъ пріобрѣтеній въ край не было

сдѣлано, и ни одинъ изъ главныхъ пунктовъ не былъ отобранъ отъ шведовъ. Скоро русскія войска оставили Ингерманландію и перенесли военныя дѣйствія въ Лифляндію, но также безплодно.

Наконецъ, въ 1661 году въ Кардисѣ былъ заключенъ миръ, по которому все было оставлено въ прежнемъ положеніи и сохранена граница, опредѣленная Столбовскимъ договоромъ. Несмотря на страшное ожесточеніе и разрушительный характеръ, съ какимъ велась война, она оказалась совершенно безцѣльной для Россіи и еще сильнѣе закрѣпила за Швеціей ея прежнія пріобрѣтенія.

Послѣ войны городъ Нієншанцъ снова былъ возобновленъ и, помимо коммерческаго порта, ему придано было значеніе крѣпости, господствующей надъ входомъ въ Неву. Торговля понемногу возродилась снова, и городъ принялъ физіономію большого торговаго пункта между Россіей и Швеціей. Среди жителей его было немало русскихъ купцовъ, которые имѣли свои конторы и склады, пользовались льготами и разными преимуществами по провозу товаровъ. Но впослѣдствіи, когда предпріимчивый духъ русскихъ купцовъ грозилъ сосредоточить значительную часть торговли Нієншанца въ ихъ рукахъ, шведское правительство стало тѣснить ихъ, лишать привилегій и всячески тормозить ростъ ихъ торговыхъ дѣлъ. Пользуясь монопольнымъ правомъ привоза изъ-за границы товаровъ и являясь въ этомъ отношеніи важнѣйшимъ, почти исключительнымъ посредникомъ въ заграничной торговлѣ Россіи, магистратъ города задерживалъ и часто конфисковалъ товары, шедшіе въ Рос-

сію. Такъ, напр., въ 1688 году былъ доставленъ изъ-за границы въ таможню Нienшанца грузъ съ лѣкарствами для царей Петра и Ивана Алексѣевичей, но тамъ былъ задержанъ и выданъ только съ разрѣшенія короля. Этотъ случай возбудилъ большое недовольство въ Москвѣ, гдѣ не могли примириться съ такого рода стѣснительными мѣрами.

XV.

Въ отношеніи административнаго устройства шведскія Карелія и Ингерманландія, а также Лифляндія, составляли одно генералъ-губернаторство съ главнымъ городомъ Нарвой. Во главѣ отдѣльныхъ областей — Орѣховской, Кексгольмской, Ингерманландской и др. стояли ландсгевдинги или намѣстники, имъ были подчинены кронофогды (исправники) и бургомистры. Подати и иные сборы, въ распредѣленіи которыхъ полностью сохранился древній новгородскій порядокъ, сдавались на откупъ такъ называемымъ государственнымъ арендаторамъ. которые выплачивали казнѣ опредѣленную сумму и затѣмъ сами взимали съ населенія доходы въ свою пользу. Вслѣдствіе такой системы въ краѣ царилъ страшный произволъ и вымогательство. Немало заботъ по благоустройству провинцій проявилъ извѣстный король Густавъ-Адольфъ, но далеко не все изъ его разумныхъ мѣръ было осуществлено.

Когда Ингерманландія превратилась въ шведскую провинцію по Столбовскому миру, то, какъ мы уже раньше имѣли случай замѣтить, большинство русскаго населенія перешло въ Московское государство. Оставшіеся же туземцы, чистые финны по происхожденію, пле-

менъ Ингрикотъ и Ватіалайсетъ (древніе ингрики и вадьяне), продолжали причислять себя къ православнымъ. Они даже не были лишены священниковъ, но было ли у нихъ настоящее церковное управленіе—трудно сказать, тѣмъ болѣе, что долгое время вся покоренная область не имѣла никакого правильно организованнаго управленія и административныхъ учрежденій и служила мѣстомъ ссылки преступниковъ, которыхъ направляли туда для цѣлей колонизаціи.

Лишенное священниковъ православное населеніе Ингерманландіи было всецѣло открыто пропагандѣ протестантства, и шведское правительство въ этомъ отношеніи проявило рвенія болѣе, чѣмъ достаточно. Протестантскіе миссіонеры разъѣзжали по странѣ и дѣйствовали далеко не всегда мѣрами кротости и убѣжденія. Для цѣлей пропаганды, въ Стокгольмѣ была устроена славянская типографія, издававшая исключительно религіозныя сочиненія для православнаго населенія; изъ числа этихъ изданій можно упомянуть катехизисъ Лютера, напечатанный въ 1643 году, евангеліе, словарь и грамматику. Всѣмъ православнымъ, перешедшимъ въ лютеранство, предоставлялись различныя льготы и права наравнѣ съ шведскими гражданами.

Но всѣ эти мѣры первое время не давали результатовъ, такъ какъ до 1681 года не зарегистрировано было ни одного изъ жителей края, измѣнившаго вѣрѣ предковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дворянъ, фамиліи которыхъ мы раньше приводили и которые были подвинуты къ тому страхомъ потерять свои имѣнія. Въ послѣдующее время обращеніе пошло успѣшнѣе, въ особенности, когда царскій суперинтендентъ убѣдилъ

правительство, что православные финны, не знающіе русскаго языка, не являются русскими, а потому обращеніе ихъ въ лютеранство не противорѣчитъ ни какимъ мирнымъ договорамъ. И дѣйствительно, этотъ епископъ обнаружилъ удивительную энергію по распространенію въ краѣ государственной религіи, имъ было созвано четыре собора, на которыхъ присутствовало и православное духовенство, онъ учредилъ много должностей церковныхъ и учительскихъ, и число принявшихъ при немъ лютеранство достигло до 3.000 семействъ.

Обращенія въ большинствѣ случаевъ были насильственны, что видно изъ того, что дѣятельность духовенства въ краѣ возбуждала постоянный ропотъ, вызывала жалобы, которыя доходили и до шведскаго короля, и до русскаго царя. Въ Москвѣ въ 1684 году шведскому посольству пеняли за тѣ преслѣдованія, которымъ подвергаются православные въ Ингерманландіи вопреки условіямъ мирныхъ договоровъ.

Что касается русскихъ, оставшихся въ краѣ или подолгу жившихъ по торговымъ или инымъ дѣламъ, то они также были ограничены въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Неоднократно они обращались съ просьбой къ шведскому правительству о разрѣшеніи привезти себѣ изъ Россіи архіерея, который бы могъ посвящать на мѣста священниковъ. Постояннымъ отвѣтомъ правительства было, что если имъ необходимъ епископъ, то могутъ послать избраннаго въ Константинополь для посвященія отъ греческаго патріарха, или же предлагалось обратиться къ суперинтенденту, который можетъ поставить священниковъ, сколько имъ угодно. Та-

кого рода отвѣты звучали, конечно, насмѣшкой надъ безысходнымъ положеніемъ православной паствы, а не желаніемъ придти на помощь.

Еще большія несправедливости терпѣли православные въ вопросѣ о содержаніи лютеранскаго духовенства. Наравнѣ съ протестантами они привлечены были къ выплатѣ ему жалованья, различныхъ сборовъ за требы—крещеніе, вѣнчаніе, отпѣваніе, несмотря на то, что онѣ совершались православнымъ священникомъ. Эта несообразность была обжалована передъ королемъ, который сначала сократилъ эту дань духовенству, а послѣ и совсѣмъ приказалъ уничтожить. Интересно здѣсь указать, что въ городѣ Ніэнѣ или Ніеншанцѣ, среди приходовъ шведскихъ, нѣмецкихъ и финскихъ, былъ и русскій съ особымъ священникомъ, получавшимъ казенное жалованье.

XVI.

Въ заключеніе нашего очерка о состояніи Кареліи и Ингерманландіи передъ появленіемъ на берегахъ Невы Петра Великаго попытаемся представить краткое топографическое описаніе города Ніеншанца, на мѣстѣ котораго возникла новая столица государства, а также нѣкоторыхъ селеній невскаго побережья.

Острова, лежащіе въ устьѣ Невы, носили раньше слѣдующія финскія названія: Елагинъ островъ назывался Mustila saari (Черный островъ), лежащій противъ него- Risti saari, что значитъ Крестовый островъ. Названіе Каменный островъ есть простой переводъ финскаго Kiwi saari (kiwi значитъ камень). На противоположной сторонѣ лежалъ островъ Korpi saari (Каршовка), который отдѣлялся небольшою рѣчкой того же имени

отъ Койвусари (Березоваго острова) или нынѣшней Петербургской стороны. При впаденіи Карповки въ Неву находился островокъ, называвшійся Kili saari (Козьимъ). Нынѣшній Петровскій островъ носилъ названіе Putsa saari. Ниже Койвусари находился въ Большой Невѣ островъ Jänis saari (Заячій), тотъ самый, гдѣ нынѣ Петропавловская крѣпость. Васильевскій островъ назывался Hirvi saari (Лосьимъ); онъ составлялъ когда-то собственность извѣстнаго полководца Якова Делагарди, и здѣсь находилась его охота.

Та часть Петербурга, которая нынѣ составляетъ собственно городъ и гдѣ находится Зимній Дворецъ, Сенатъ и т. д., представляла также нѣкогда островъ, омываемый съ одной стороны Большою Невою, съ другихъ - небольшою рѣкою Kämäjoki, теперешней Фонтанкой. Какое онъ названіе имѣлъ, неизвѣстно, но часть его между Невою и Мойкою называлась Усадиссою (Usadissa), а между Мойкою и Фонтанкою—Perusina, повидимому, по имени помѣстій, расположенныхъ на нихъ.

Всѣ эти острова были весьма мало населены по причинѣ болотистой почвы. Западная часть Васильевскаго острова представляла громадное топкое пространство, и только восточный берегъ его, гдѣ нынѣ биржа, былъ нѣсколько населенъ и обработанъ; тамъ находилась деревня Гирвисари, мѣсто охоты и топей Якова Делагарди. На западномъ берегу при устьѣ рѣки находился только одинъ дворъ, въ которомъ жили лоцмана для проводки судовъ, вступающихъ въ Неву. На Крестовскомъ островѣ были двѣ деревни, на Карповкѣ -2, а на Койвусари—7 дворовъ.

Земля на сѣверъ и на югъ отъ Невы, а также отъ ея рукавовъ была доста-

точно обработана. Самая Нева была далеко не такъ доступна и удобна для плаванія, какъ нынѣ. Рейдъ, начинаясь отъ Котлина, который, кстати сказать, назывался Кеттусари — Лисій островъ, былъ весьма опасенъ, и безъ лоцмана пройти было невозможно. Фарватеръ шелъ тогда по финляндскому берегу. При входѣ въ Большую Невку стоялъ домъ таможеннаго досмотрщика, гдѣ всѣ суда останавливались для освидѣтельствованія; это было именно въ деревнѣ Likanowa (Грязная), нынѣшней Старой Деревнѣ. Встрѣчается далѣе Kiwinenä или теперешняя Новая Деревня. При впаденіи Невки въ Неву находились деревни Ависта и Ихола и при нихъ кирпичный заводъ и пушечный дворъ Ніэна. Послѣ слѣдовали госпиталь и предмѣстье Ніэна, состоявшее изъ группы деревянныхъ домовъ, въ которыхъ жили ремесленники и чернорабочіе. Это мѣсто занято нынѣ Большою Охтою. На южной сторонѣ Ніеншанца находились городской канатный заводъ и смоловарня, кирпичный заводъ и полотняная фабрика.

Земли, лежавшія узкой полосой по обѣ стороны Невы, отъ Ладожскаго озера до залива, составляли древній Спасскій погостъ. Въ новгородское владычество онъ былъ хорошо обработанъ, густо населенъ и заключалъ въ себѣ до 55 деревень, по обѣ стороны Ижоры находилось 45 деревень, по берегамъ Славянки 17, по Охтѣ 12, при Тоснѣ 16. Но частыя войны разорили и сильно сократили число деревень по побережью Невы, и шведы, вступивъ во владѣніе краемъ, должны были прибѣгнуть къ искусственной колонизаціи области Невы при помощи финляндцевъ; послѣдніе, ничѣмъ не связанные съ прошлымъ края, придали ему

другую физіономію и измѣнили всю географическую и топографическую номенклатуру. Вотъ, почему, такъ мало или почти ничего не осталось въ Приневьѣ отъ бывшихъ владѣльцевъ его—новгородцевъ: ни названій, ни мѣстъ, ни памятниковъ.

Впрочемъ, нелишне, можетъ быть, привести названія нѣкоторыхъ деревень, сохранившихся на старыхъ шведскихъ картахъ и носящихъ отдаленные слѣды новгородскихъ поселеній. Таковы: деревня Сабина, находившаяся противъ Большой Охты, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ Смольный монастырь; тамъ долгое время стояла русская часовня; здѣсь былъ перевозъ черезъ Неву въ Ніэпъ и обратно; деревни: Тусснна (Тосна), Гудилово—при впаденіи Славянки въ Неву, деревни Вареговы, между Тосной и Орѣховымъ, несомнѣнно, ведущія свое названіе отъ первыхъ поселенцевъ варяговъ; Аникинъ монастырь или Еликепа, бывшая мѣстомъ расположенія русскаго монастыря; Толлога, въ окрестностяхъ Дудергофа; Кобылица - рядъ деревень, заселенныхъ раньше т. наз. кобылицкою карелою. и нѣкоторыя др.

* * *

Многовѣковую борьбу за берега Невы и Финскаго залива, рѣшенную въ Столбовѣ и Кардисѣ въ пользу Швеціи, суждено было закончить и повернуть ее въ пользу Россіи Петру Великому. Историческій споръ между двумя наслѣдственными врагами былъ рѣшенъ не на финскомъ сѣверѣ, а на поляхъ Полтавы, гдѣ всѣ права на древнія новгородскія земли полностью и съ избыткомъ были возстановлены. Древняя Карелія и Ингерманландія, съ прида-

чею Балтійскаго побережья, были возвращены; все, къ чему такъ энергично стремились Иванъ Грозный и Царь Алексѣй Михайловичъ, было выполнено.

Дальнѣйшій ходъ историческихъ событій исправилъ даже ту ошибку, которая была сдѣлана Господиномъ Великимъ Новгородомъ, не воспользовавшимся результатами своихъ войнъ въ Финляндіи и давшимъ возможность шведамъ утвердиться въ ней и превратить ее въ свою провинцію. Хотя Петръ Великій по ништадтскому миру и вернулъ обратно Швеціи завоеванную русскимъ оружіемъ Финляндію, но черезъ столѣтіе она снова была покорена, и ей суждено было войти въ составъ русскаго государства и на этотъ разъ уже окончательно и безповоротно. Неотвратимые законы исторіи, въ теченіе вѣковъ толкавшіе Россію на сѣверъ, наконецъ, нашли свое полное завершеніе. На сѣверѣ она вошла въ свои законныя естественныя границы, оправдываемыя исторіей и подсказывавшіяся жизненными государственными потребностями.

0-338

СССР

1965

130